

Он думал: «Если я умру, они пожалеют? Будут ли они чувствовать себя виноватыми? Как они могут так поступать со мной? Я не болен! Я ничего плохого не сделал! Все это я придумал, как они могли поверить? У них нет собственного суждения?»

Но он все же не осмелился покончить с собой. Если он умрет, разве это не исполнит их желание?

Вечером он вернулся в школу, но обнаружил, что его рюкзак выбросили на улицу. Учителя и ученики стояли рядом, и кто-то заметил Е Юйфана, радостно крича:

— Е Юйфань вернулся!

Но на их лицах не было того «чувства вины», которое он ожидал. Они смеялись, и в их смехе была презрение.

— Смотри, он все же вернулся!

— Как он посмел умереть!

— Даже если он покончит с собой, это его проблема, ведь у него психическое заболевание!

— Именно, это не имеет к нам никакого отношения!

В тот момент все бывшие друзья, товарищи и одноклассники стали его врагами.

Классная руководительница держала в руках бумагу и сказала:

— Е Юйфань, ты отчислен, с сегодняшнего дня ты больше не ученик нашей школы!

Е Юйфань в шоке спросил:

— Почему! Какое право ты имеешь отчислять меня!

Классная руководительница ответила:

— Потому что у тебя психическое заболевание, ты позор нашей школы, мы не можем терпеть твое присутствие!

Е Юйфань закричал:

— У меня его нет! Я все выдумал! У меня нет психического заболевания!

Один из учеников усмехнулся:

— Слова психически больного нельзя воспринимать всерьез!

Это был его друг Ян Кай, который наступил на его рюкзак, и другие ученики последовали его примеру, раздавив рюкзак Е Юйфана. Классная руководительница стояла рядом, не обращая внимания, пока ученики топтали его вещи.

Гнев Е Юйфана достиг предела, он бросился на них, но классная руководительница оттащила его, и он замахнулся на нее, но она насмешливо сказала:

— Бей, бей, это только докажет, что у тебя склонность к насилию! Ты психически болен!

Быстро, позовите кого-нибудь, психически больной бьет людей!

— Нет! Я не болен! Я не психически болен! Я солгал! Почему вы не верите мне! Какие у вас доказательства! Ааа! Отпустите меня!

Е Юйфана схватили, он увидел, как Ли Шихань стоит вдалеке, не решаясь подойти — даже она его боялась.

В тумане Е Юйфань почувствовал, как что-то колет его тело, холодная жидкость впрыскивается в кожу, он потерял силы, его окружили люди, смеялись над ним, выгоняли.

— У меня нет, у меня нет...

Е Юйфань мучился, слезы сами текли по его лицу, но все смотрели на его страдания, как на приступ сумасшедшего. У них не было сочувствия, не было жалости, они злорадствовали, считая его клоуном.

Его увели, по пути его увидел врач Жуй Бэйнянь, который его обследовал. Он изо всех сил сопротивлялся:

— Доктор Жуй, спасите меня, спасите!

Доктор Жуй улыбнулся ему.

Е Юйфань кричал:

— Вы знаете! Вы знаете правду!

Доктор Жуй спокойно сказал:

— Да, я знаю.

Е Юйфань:

— Спасите меня...

Доктор Жуй:

— Я знаю, что ты болен.

Е Юйфань резко проснулся, весь в поту, лицо в слезах, подушка промокла. Отчаяние из сна еще не покинуло его, он судорожно сжимал одеяло, сердце бешено колотилось.

Ему хотелось зарыдать, закричать в небо, выплеснуть весь накопившийся страх и напряжение, но он не мог этого сделать, ведь сейчас была ночь, а его родители спали в соседней комнате...

Хорошо, что это был сон, хорошо, что его не схватили...

Но даже если бы это не был сон, что он мог сделать? Он уже не был прежним!

Е Юйфань лежал на кровати, беззвучно плача, и в какой-то момент его тело снова начало двигаться, из глубины души поднялось желание рисовать — что угодно, лишь бы в руках был карандаш, а перед глазами бумага, пусть он рисует!

Е Юйфань вскочил, накинул куртку, включил настольную лампу, вытащил блокнот для черновиков и начал рисовать. Он нажимал на карандаш с такой силой, что почти рвал бумагу, с ненавистью продолжая рисовать, рисовать, рисовать...

— Рисуй! Рисуй! Я позволю тебе рисовать!

Он злобно бормотал, не зная, на кого злится.

Е Юйфань рисовал все быстрее, испорченных листов становилось все больше, негативная энергия выливалась вместе с чернилами из карандаша. Вскоре один карандаш закончился, и он взял другой, его рука будто жила своей жизнью, управляя карандашом, рисуя различные формы, прямые, ломаные, изогнутые, закрученные...

Он был подавлен, и линии на бумаге были хаотичными.

Он успокоился, и линии становились плавными и насыщенными.

Эти линии были как его настроение, как язык его тела, свободно текущий.

Е Юйфань продолжал рисовать, и слезы снова начали течь, горячие капли катились по его щекам, он не мог их сдержать, его тело дрожало от какого-то чувства, и только через некоторое время он понял, что это не печаль или злость, а что-то вроде давно забытого умиротворения.

Это открытие заставило его плакать еще сильнее, он рисовал и плакал:

— Почему ты появился, почему... просто так появился в моем теле... ты такой эгоистичный человек!

— Ты разрушил мою уверенность, мое будущее, мой мир! Ты перевернул мои мысли, мои предпочтения, мою жизнь...

— ... А ты только хочешь рисовать, ты только хочешь рисовать!!!

Сдержанная истерика смешивалась с горькими рыданиями, Е Юйфань бормотал:

— Ты только хочешь рисовать... ты такой эгоистичный...

— Но теперь и я, черт возьми, хочу только рисовать! Я даже не умею рисовать, почему ты выбрал меня...

— Зачем я спрашиваю, это уже бесполезно, ты уже появился, ты стал частью меня, для меня ты — это я, я — это ты, мы просто один человек...

— Не так ли, Ся Сяочуань...

Тишина комнаты нарушалась только звуком карандаша, скользящего по бумаге, как будто это был безмолвный ответ.

В этом месяце Е Юйфань взял академический отпуск в Экспериментальной старшей школе Нинчэна.

Его возвращение в школу для оформления отпуска вызвало немалый шум.

На самом деле Е Юйфань уже долгое время не посещал занятия, но новость об его отпуске все же вызвала бурные обсуждения.

Некоторые говорили, что Е Юйфань особенный, он мог отвлекаться на уроках и при этом получать хорошие оценки, и его родители позволяли ему не ходить в школу.

Другие утверждали, что у Е Юйфана проблемы, вспоминая, как он однажды на уроке внезапно «завис», как он ни с того ни с сего ударил кого-то, как он самовольно ушел с урока и покинул школу.

Кто-то спросил Ян Кая, который знал Е Юйфана лучше всех, ведь они были соседями по парте, и Ян Кай слабым голосом ответил: «Е Юйфань не раз забывал, что делал секунду назад»...

Слухи распространялись, образ Е Юйфана в глазах учеников становился все более поляризованным. Те, кто любил его, любили еще больше, а те, кто ненавидел, становились еще злее, используя самые ядовитые слова, чтобы добить его. Слухи о психической нестабильности Е Юйфана также начали распространяться, и родители, конечно, склонялись верить последним, ведь никто не хотел, чтобы их ребенок стал изгоем.

Ученик, занявший первое место на городских экзаменах, берет академический отпуск менее чем через семестр? И он еще болел и лежал в больнице? Что! Он еще бил людей и прогуливал?

Родители начали сомневаться, действительно ли эта лучшая школа города оправдывает свою репутацию? Не слишком ли большое давление на их детей? Могут ли они быть уверены в безопасности своих детей? Не станет ли этот ученик плохим примером для их детей?

— Смотри, этот ребенок был таким умным, а теперь сошел с ума...

— Как жалко, будь я его матерью, я бы плакала...

— Говорят, у этого ребенка психическое заболевание? Держись от него подальше!

Подобные разговоры становились все чаще, и люди никогда не несли ответственности за свои случайные оскорбления, иногда даже не зная правды, не понимая разницы между психическим заболеванием и нервным расстройством, просто повторяя чужие слова.

Они беззастенчиво обсуждали, смеялись, не думая о чувствах того, о ком говорили.

Жив он или мертв, нормален он или нет — это не их дело.

<http://bllate.org/book/16335/1474788>